

Последнее слово Р.Рахаева 24.05. 2018 г.

Я буду краток. Семь лет длится расследование моей невиновности в смерти Джанкезова, которого я видел за 10-20 минут до смерти и избиении Джатдоева, которого я впервые увидел в зале судебного заседания.

Все, кто посчитал нужным по разным причинам вникнуть в это дело, не сомневается в моей невиновности. Правозащитники и журналисты называют это дело беспрецедентным в нашей стране по прозрачности отсутствия вины обвиняемого в приписываемом ему преступлении. Юристы называют примером, который надо внести в учебники для студентов юрфаков, чтобы они получили полный и ясный образец безграмотного и ангажированного следствия.

Я уверен, что и участники этого третьего по счету суда надо мною, который длится двенадцать месяцев, не сомневаются в моей невиновности.

Все обвинение против меня строится на показаниях пяти полицейских и потерпевшего. Это те полицейские, которые, не имея на это никаких законных оснований, ночью задержали человека. В нарушение Закона и ведомственных приказов продержали его всю ночь и часть утра, по их словам, в опорном пункте. А затем через 11 часов доставили в дежурную часть избитым и окровавленным, а как указывают судебно-медицинские экспертизы с «множественными переломами ребер, ушибами внутренних органов, эмфиземой и травматическим шоком». Все вышеуказанное механически меняло их статус самых объективных свидетелей на статус подозреваемых. Но следствие назначило подозреваемым меня.

Показания этих полицейских настолько противоречивы, что каждый из них передопрашивался от 7 до 10 раз. Но противоречия в их показаниях, которые даются как под копирку, только множатся. Для их анализа уже можно писать целые тома.

Исследование материалов дела показало, что в нем нет **ни одного документа**, указывающего на мою вину.

Более того, материалы положенные в основу моего обвинения доказывают мою невиновность и указывают на настоящих виновников случившегося. Но, чтобы обвинить меня, и тем самым увести от ответственности настоящих виновников смерти человека, было сделано все, вплоть до нарушения законов РФ, откровенного мошенничества и обмана, фальсификации материалов дела, сокрытия следов преступлений, уничтожения и фальсификации вещественных доказательств. Чтобы не повторяться приведу всего несколько примеров, подтверждающих мои слова из числа множества других.

В нарушение ч. 1 и п.2 ч.2 ст. 60 и п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ, и многочисленных решений Верховного и Конституционного судов России к участию во всех 14 (!)

основных первоочередных следственных действиях (осмотры места происшествия, осмотр трупа, опознания, освидетельствования, обыски, выемки), в качестве понятого привлекался Валерий Голубничий, родственник руководителя следственной группы (том 1 л.д. 8-10), заместителя руководителя СО по г. Черкесску СУ СК по КЧР Руслана Голубничего. 3 ноября 2016 года судьей Атаевым Р.М. вынесено частное постановление (том 34 л.д. 195-198) в адрес руководителя следственного управления Следственного комитета РФ по КЧР в отношении следователей, допустивших нарушения уголовно-процессуального закона при расследовании данного уголовного дела. Руководство СК признало эти нарушения. И в своем ответе суду от 19 января 2017 года № 391/201-16-17/166 (том 35 л.д. 110) сообщило, что указанные в частном постановлении судьи Атаева Р.М. доводы приняты к сведению и в дальнейшем будут учтены деятельности следователей управления. Сотрудникам СУ, допустившим нарушения закона указано на недопустимость впредь нарушений норм действующего законодательства. Данное обстоятельство свидетельствует, что факт грубейшего нарушения закона установлен, а нарушение федерального закона влечет за собой недопустимость доказательства, полученного в ходе соответствующего процессуального действия (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и ст. 75 УПК РФ). Я надеюсь, что настоящий суд не пойдет на дальнейшее поправление Российских законов и признает эти доказательства недопустимыми.

Участие заинтересованных в исходе дела понятых позволило следствию беззастенчиво сфальсифицировать протокола следственных действий, что было доказано стороной защиты в ходе судебного следствия.

Прежде всего, сегодня можно с полной уверенностью утверждать, что осмотр места происшествия (том 1 л.д. 135 -140) либо не проводился, так как описание трупа слово в слово повторяет описание трупа экспертом уже в морге (том 1 л.д. 147-152), либо следователь Кучеров в нарушение ч. 1 ст. 178 УПК и приказа СК РФ от 15.01.2011 г. № 2 (п.1.3) «Об организации предварительного расследования в СК РФ», не привлекая к осмотру трупа специалиста в области медицины, проводил с трупом Джанкезова на месте его обнаружения не допустимые манипуляции - переворачивания трупа, раздевания и одевания трупа, сгибания и разгибания трупа.

Наличие заинтересованного понятого, а именно Голубничего Валерия, позволило сфальсифицировать протокол освидетельствования участкового уполномоченного Тазартукова (том 1 л.д. 213-216), а также подменить его ногти, изъятые на экспертизу. Доказательством этому служит отсутствие подписей указанного в протоколе второго понятого Тлисова, сокрытие ссадины на руке Тазартукова, обнаруженной экспертом Борлаковым при проведении экспертизы (том 4 л.д. 158), и подмена бирки на пакете с ногтями Тазартукова при поступлении на экспертизу (том 4 л.д. 167-169).

Следующие факты также подтверждают, что следователи шли на открытое нарушение закона для того, чтобы выгородить истинных виновников смерти Джанкезова. Из административного материала задержания Джанкезова (том 1 л.д. 194-204) следствию в первые же часы стало известно, что Джанкезов находился в опорном пункте более 10 часов. Тем не менее, **опорный пункт был осмотрен только через 11 месяцев** (том 2 л.д. 1-5) и только после наших неоднократных обращений в различные инстанции. Осмотр был проведен абсолютно формально: следов крови не искали, смывов не брали, хотя из административного материала следствие знало, что Джанкезов был задержан ночью без малейших телесных повреждений, а утром спустя 10 часов был доставлен из опорного пункта в ОМВД по г. Черкесску избитым и окровавленным.

Не установлено лицо находившееся за рулем автомашины Ваз 2114, на которой доставили Джанкезова в ОМВД по г. Черкесску избитым и окровавленным в 09-24 07.10.2011 года. Сам автомобиль также не осматривался.

Не установлено лицо 30-35 лет, высокий участковый, который по словам Джатдоева (показания Джатдоева (том 3 л.д. 153-157) сопровождал Джанкезова и Джатдоева в Мировой суд и находился в опорном пункте, когда туда доставили Джатдоева. О необходимости установить данное лицо было прямое указание Верховного суда КЧР от 08.10.2013 года (том 16 л.д. 363-373)

В первые же сутки из показаний Джатдоева (том 3 л.д. 153-157) следствию стало известно о **перчатке**, которая якобы побывала в анальном отверстии Джанкезова, а затем во рту Джатдоева. Таким образом, эта перчатка стала орудием преступления. Биологические следы, имевшиеся на ней, указали бы истинного виновника и полностью опровергли мою вину. В связи с этим **разыскивать её стали только через одиннадцать месяцев после случившегося** (том 1 л.д. 246-250). Естественно, не нашли.

Как известно, труп Джанкезова был обнаружен 7 октября 2011 года в кабинете оперативников №48, одежда и линолеум под ним были мокрыми. Смывы, как водится в этом деле, и в этом случае не были взяты (том 1 л.д. 135 -140). Более того с целью сокрытия следов преступления **линолеум в течение этих же суток был отодран от пола и уничтожен** (том 1 л.д. 223-233).

По словам потерпевшего Джатдоева, Джанкезова после доставления в отдел завели не в кабинет Рахаева № 40, как утверждает следствие, а в кабинет №45 (том 2 л.д. 10-17). Несмотря на это кабинет №45 не был осмотрен. С той же целью сокрытия следов преступления он был произвольно **заменен на кабинет № 47**, в который ни Джанкезов, ни Джатдоев не доставлялись.

В судебном заседании 09.09.2016 года Джатдоеву Х.И.Р. был продемонстрирован протокол проверки показаний на месте происшествия с его участием (протокол проверки показаний свидетеля Джадтоева Х.И.Р. на месте происшествия от 08.10.2011 том 2 л.д. 10-17). Согласно данного протокола, ни в кабинете №48, который он опознает, что находился в нем, ни кабинете №45 нет на стенах деревянной обшивки об которую Джадтоева били головой, а также нет кресел как в старых кинотеатрах (Фототаблица к протоколу проверки показаний на месте происшествия от 08.10.2011 Джадтоев на фото №9 не опознает кабинет №47; на фото № 11, 12, 13, 14, опознает кабинет №48; на фото № 15, 16, 17 опознает кабинет №45 том 2 л.д. 18-26).

Трусы погибшего Джанкезова, которые ранее следствием не изымались (том 1 л.д. 218-222), на экспертизу (том 4 л.д. 172-176) не направлялись, к вещественным доказательствам не приобщались (том 2 л.д. 32-33), в описях не были указаны, были **подкинута в пакет** с вещественными доказательствами лицами, имевшими к вещественным доказательствам доступ.

Протокол допроса Рахаева от 12.09.2012года (том 3 л.д. 86-97) был откровенно **сфаальсифицирован** и в настоящем суде исключен как недопустимое доказательство.

При наличии в здании ОВД (том 1 л.д. 155-162) **12 видеокамер были изъяты** записи только трех из них (том 4 л.д. 180-187). Не изъяты и не приобщены к делу записи видеокамер по этажам и в холле, которые позволили бы абсолютно достоверно установить местонахождение Джанкезова в течение полутора часов после доставления в отдел, а также когда Джанкезова сопровождали на третий этаж, его состояние при доставлении. А главное, что происходило на третьем этаже.

С той же целью сокрытия истинных виновников смерти Джанкезова, несмотря на наши настойчивые обращения не был своевременно проведен билинг телефона погибшего и моего служебного телефона. Только через пять лет, когда срок хранения данной информации истек, наше ходатайство удовлетворили (том 24 л.д. 334), (том 24 л.д. 260). Был получен ожидаемый ответ. Что это, если не сокрытые информации, необходимой для установления истины? Сделано это преднамеренно. Потому что на совершение приписываемых мне преступлений обвинение отвело мне ограниченное время – менее часа. Установлено, что за это время со мной четыре раза связывались по мобильному телефону, не сомневаюсь, что по служебному телефону я говорил гораздо чаще, хотя бы потому, что он общедоступен. Времени на пробежки из кабинета в кабинет с целью избежания доставленных у меня явно не было.

Мотив действий, которые я якобы совершал, следствием не установлен. Указанный мотив – повышение авторитета – безнравственный, по сути, и нелепый до безобразия. Только обладая извращенным понятием или помутненным сознанием можно выдвинуть подобный мотив: повысить авторитет, забив одного человека и избив другого. Мотив действий сотрудников задержавших Джанкезова и Джатдоева ясен из материалов дела. В своих многочисленных показаниях Джатдоев настойчиво указывает, что его допрашивали о краже со склада радиаторов отопления на 800 тысяч рублей. Указанная кража не зарегистрирована, свидетели скрывают этот факт, следствие не задает им ни одного вопроса по этому факту. Вывод один. Противозаконные действия свидетелей с задержанными, которые они проводили с таким энтузиазмом – все шестеро не спали ночью, сидели на стульях, дожидаясь когда он пробудится от сна на единственной кушетке – проводились с целью личной наживы. Они выполняли частный заказ хозяев склада.

Напомню, что в деле 7 судебно-медицинских экспертиз, проведенных в различных экспертных учреждениях страны. Им дана оценка стороной защиты. Тем не менее, обращаю внимание суда на следующие действия следствия, направленные на уничтожение вещественных доказательств по делу.

Эксгумация трупа Джанкезова была проведена через 6 месяцев. С какой целью следствие ожидает 6 месяцев для проведения эксгумации трупа (том 5 л.д. 142-155)? С одной целью – чтобы труп окончательно разложился, и невозможно было получить дополнительные образцы для гистологического исследования, которые подтвердили бы наличие лейкоцитарного вала.

В дальнейшем хранение эксгумированных останков Джанкезова превращается в глумление над его останками и планомерное, преднамеренное их уничтожение. На экспертизу в РЦСМЭ (том 18 л.д.119-269) в нарушение всех ведомственных приказов его костные останки направляются, что называется навалом: **в 3 пакетах БМВ, в не опечатанном виде и свободным доступом**, что вызывает вполне законный вопрос: а вообще Джанкезова ли это останки? По указанному факту эксперты составили акт на 2 листах (том 24 л.д. 270-278). Комиссия экспертов отметила, что «неправильная подготовка поврежденных костей для транспортировки (все костные препараты без отдельной упаковки помещены в три пакета, в результате чего произошло трение, разрушение краев переломов с образованием большого количества костной крошки)» привела к «необратимому видоизменению первичных морфологических свойств переломов, появлению новых и/или утрате имевшихся, а также к невозможности полного анатомического сопоставления фрагментов ребер». При этом эксперты категорично утверждают, что в результате этих действий **«возможность восполнения недостающих**

экспертных данных безвозвратно утрачена». Одним словом, благодаря действиям следствия кости измельчены, зачастую до состояния костной крошки.

В свете выводов всех предыдущих экспертиз

04-05 июня 2014 г. на конференции Общественной палаты РФ в докладе "Обеспечение контроля за судебно-медицинской деятельностью" дело Рахаева представлено как пример манипуляции экспертными учреждениями для того, чтобы добиться нужного для обвинения результата: что умерший при наличии лейкоцитарного вала, который по всем медицинским данным образовывается за 4-6 часов после нанесения травм (и в этом все медицинское сообщество согласно) был избит за полчаса до смерти. Но приведу слова Щербакова руководителя легендарной судебно-медицинской лаборатории, которая идентифицировала погибших во время Чеченских событий.

Эти его слова помогали мне и моей защите все эти семь лет сопротивляться той циничной лжи, в которую нас втянули, как в болото.

Только поддержка общественности дает мне и моей семье силы сопротивляться тому беспределу, с которым мы столкнулись. И сегодня я хочу поблагодарить всех тех, кто принял участие в моей судьбе делом или словом:

- **Судебно медицинского эксперта Российской Федерации Евгения Борисовича Николаева.**

- судебно-медицинского эксперта Щербакова Владимира Владимировича, руководителя легендарной судебно-медицинской лаборатории, которая идентифицировала погибших во время Чеченских событий. полковник м/с в запасе, эксперт-танатолог с 40-летним стажем, в настоящее время руководитель Первой независимой судебно-медицинской экспертизы ООО "124 лаборатория медико-криминалистической идентификации», академик Российской академии естественных наук, профессор, академик РАЕН, автор 3-х монографий, 72-х научных работ, 3-х изобретений, посвященных проблемам идентификации личности человека; разработчик научно-методической и организационной модели идентификации личности человека применительно к ситуациям массовой гибели людей. В 2014 году он вошел в число 300 лучших врачей России, стал лауреатом Российской премии «Признание». Награжден орденом «За военные заслуги», медалями «За воинскую доблесть» 1-й и 2-й степеней, медалями от Министерства обороны РФ, медалями, почетными знаками от Министерства внутренних дел РФ, медалью «За ратную доблесть» от общественной организации «Боевое братство», серебряным знаком № 61 Правительства Республики Хорватия «За внедрение

ДНК-технологий в идентификации личности человека». Премия Института «Открытое общество» 1999 года «За подвижничество». А главное, он честнейший человек. Он мне написал: «Все в мире, Руслан, меняется, общественное устройство, нравственность, экология. Неизменной остается физиология человека. И если в Карачаево-Черкессии найдется человек, у которого лейкоцитарный вал может образоваться в течение часа после получения травм, то вся мировая медицина кинется изучать этот феномен в лице этого индивидуума. Держись, твое дело правое»

- депутатов Госдумы Ильякова Александра Владимировича, Москалькову Татьяну Николаевну, Шхагожева Адальби Люлевича, Геккиева Заура Далхатовича;

- бывшего уполномоченного по правам человека РФ Лукина Владимира Петровича, благодаря вмешательству которого я остался жив;

- Нухажиева Нурди Садиевича, Уполномоченного по правам человека в Чеченской республике, бывшего председателя комиссии по правам человека Общественного Совета СКФО;

-Руководителя Кабардино-Балкарского правозащитного центра, члена Общественной палаты КБР Хатажукова Валерия Назировича;

- всех журналистов «Новой Газеты и Кавказского узла» и работников средств массовой информации, которые освещали ход этого расследования в течение семи лет;

И самое, главное, я безмерно благодарен всем сотрудникам Фонда «Общественный вердикт», его руководителю Таубиной Наталье Евгеньевне, без участия которых я не выдержал бы эту борьбу за справедливость и установление истины. Отдельное благодарность Новикову Олегу, Егосину Дмитрию и всем всем еще раз огромное спасибо.

Благодарю своих защитников Заикина Петра Ивановича, Ермолаеву Надежду Викторовну, Абубакарова Адама Ахмедовича за их профессионализм, искреннее сочувствие и желание помочь мне и моей семье.

В заключение, Ваша честь, обращаясь к Вам я хочу сказать следующее. За одиннадцать лет, которые я служил в органах внутренних дел я не совершил ни одного поступка, за который мне сегодня было бы стыдно. Я честно выполнял свой долг – защищал жизнь и благополучие людей. Сегодня я прошу Вас проявить принципиальность и дать оценку бесчисленным фактам фальсификации, на которых основано это дело. Я надеюсь на Вашу объективность и справедливость.